

МАРФА

Марфе снился очень странный сон. Настолько странный, что она понимала это даже во сне. Как будто она шагает через двор к дому, в котором выросла и прожила почти восемнадцать лет. Идти не хочется, но надо. Она разыскивает глазами окна квартиры на последнем этаже в надежде увидеть, что свет не горит, а значит, матери с сестрой нет, и вдруг видит, как прямо над пятиэтажкой поднимается огромная волна. Никакого моря в городе ее детства отродясь не бывало, поэтому несколько мгновений Марфа пыгается сообразить, откуда мог взяться потоп. А волна между тем начинает медленно переваливаться через крышу. Марфа наконец осознает грозящую ей опасность, кидается к дому и изо всех сил прижимается спиной к кирпичной кладке. В ту же секунду тонны воды обрушиваются с высоты на землю, заполняя пространство между четырьмя стоящими квадратом домами. Мгновенно двор становится морским дном. Буквально в по-

луметре от себя застывшая в оцепенении Марфа видит стену из холодной мутной воды, грязи и каких-то ошметков, но место, где стоит она, остается сухим. Понимая, что счет идет на секунды, она хочет ухватиться за находящуюся в шаге дверь подъезда, тянется изо всех сил, но пошевелиться не может. И тут Марфе становится страшно, как никогда в жизни. Еще мгновение, и вода накроет ее. Она подступает все ближе, ближе...

— Марецкая, ты у нас самая умная, что ли?

Сквозь километровую толщу она слышит чей-то возмущенный голос, но ответить не может, потому что все силы уходят на то, чтобы попытаться набрать в легкие побольше воздуха. Она вдыхает, но спасительный кислород не набирается, а вода уже залила глаза, нос, стала заполнять рот...

— Нет! Нет! — в ужасе закричала Марфа и проснулась.

— Так и ежику понятно, что нет! — с удовольствием согласился голос, и через перегородку свесилась голова Сашки Кириенкина, редакционного бездельника и прилипалы.

— Уже десять минут, как совещание началось. Милена попросила узнать, на каком основании ты его игноришь.

Марфа уставилась на Сашку совершенно безумными глазами, не понимая, как тому удалось пробиться сквозь такую груду воды.

— Ты уснула, что ли, Марфушенька? Ах ты наша душенька!

Сашка сделал умильное лицо. Получилось из рук вон плохо, потому что его ехидная юная мордашка была совершенно не приспособлена к выражению каких бы то ни было нежных чувств.

— Иди в жопу, Кириешка, — неожиданно зло сказала Марфа, пытаясь прийти в себя.

— Сразу обзывать! — обиженно надул губы Сашка. — А я еще собирался прикрыть тебя грудью! Теперь даже не проси!

— Да отстань! Ничего ты не собирался! У тебя и груди-то никакой нет!

Почему-то она злилась именно на наглеца Кириенкина, хотя он был совершенно ни при чем.

— Ну конечно, тут мне с тобой не сравниться, — хмыкнул Сашка и выразительно посмотрел в вырез ее блузки.

Марфа окончательно рассвирепела:

— Катись отсюда!

Сашкина голова скрылась за перегородкой, и уже оттуда он невинно поинтересовался:

— Так что Милене сказать? Что ты сначала эротический сон досмотришь, да?

Марфа взвилась, схватила тяжелый степлер и пулей выскочила из своей конурки, зная, что Сашка не уйдет, пока не доведет ее до белого каления.

За перегородкой никого не было. Побегал веселить народ! Вот пакость малолетняя!

Однако нарываться в самом деле не стоило. Милена очень ревностно охраняет свой статус

начальника отдела, поэтому болезненно реагирует на любую попытку его проигнорировать.

Марфа достала пудреницу и глянула в зеркало. Ну конечно! Одна щека красная! Она энергично пощипала другую. Пусть будут как свеклой натертые, зато одинаковые! По левому виску медленно ползла капля. Это она из-за сна так разнервничалась или просто вспотела? Надо же, какая кисейная барышня! Она скорчила себе рожу, подтянула джинсы, блузку, наоборот, дернула вниз и поплелась на совещание.

В конце концов, она хотя и довольно успешный, но все же рядовой журналист, начальства над ней десять слоев, поэтому следует соблюдать субординацию и вести себя прилично.

Редакцию известной в Питере газеты она взяла измором. Когда восемь лет назад они с подругой Лариской, исполненные наивных юношеских «мечт», приехали в Северную столицу, то не сомневались, что их талант немедленно и с радостью будет востребован. Смешно вспомнить! Они даже не журфак окончили! С какого бодуна две дуры-филологини решились штурмовать журналистский олимп? Наверное, статус МГУ затмил разум. Да после такого вуза нас везде! С руками и ногами!

Лариска сдалась через полгода. Домой в Кинешму, конечно, не вернулась, забросила диплом на антресоли и устроилась в модный женский магазин продавщицей.

Марфа из глупой щенячьей вредности решила стоять до конца и для начала поступила работать в облюбованную ею редакцию курьером. Еще год ушел на поиски лазейки, через которую можно было пролезть на должность сотрудника хоть какого-нибудь отдела. Когда после невероятных усилий это удалось, дело пошло веселее. Она в самом деле неплохо писала. К тому же, что немаловажно, без ошибок, и не только орфографических, но также грамматических, пунктуационных и стилистических. Последнее особенно ценилось главным редактором. Может, поэтому он ее и заметил в конце концов?

Ну не могла она проиграть! Не могла, потому что тогда все было бы зря!

Мать, учитель математики по профессии, духу и призванию, воспитывала их с сестрой одна, заранее выстроив в своей хорошо организованной голове образ того, что из ее дочерей должно получиться в итоге. Модель была составлена из пунктов «Морального кодекса строителя коммунизма», в который мать твердо верила еще с детских лет: скромные, строгие, порядочные и работающие. Идеалом поведения считалась степенность. Мать так и говорила:

— Девушка должна быть степенной.

Сестра Маргарита, старше Марфы на пять лет, воплощала собой идеал, потому была любимицей и наперсницей матери.

Марфа в придуманный образ не вписывалась. Ни в один пункт. Она как раз не была ни скромной, ни степенной, а когда ей исполнилось семнадцать лет и она впервые пришла с вечеринки пьяной, мать констатировала, что и с порядочностью ничего не вышло.

То, что она не оправдала материнских надежд, было полбеды. Молчаливое неодобрение она как-нибудь пережила бы. Хуже было то, что каждый ее промах, каждое отступление от образа подвергались публичному разбору и суровому порицанию. Пока родительница воспитывала ее одна, Марфа худо-бедно справлялась с появляющимся после каждого «педсовета» чувством неполноценности, но с наступлением у нее пубертатного возраста, который увеличил все несоответствия в разы, Маргарита на правах взрослой присоединилась к мамаше, с удовольствием участвуя в экзекуциях.

Понимая, что место уроды в семье досталось ей, Марфа старалась не делиться с родными своими проблемами и со всеми бедами пыталась справляться сама, но иногда, не зная, как выйти из сложной ситуации, под влиянием испуга или растерянности все же обращалась за помощью к родным. Каждый раз ее заставляли об этом пожалеть. Да, она снова накосячила, да, была неправа, сама это понимала и именно поэтому нуждалась в поддержке и утешении. Но всегда ее ждали прокурорский взгляд, осуждаю-

ще поджатые губы матери и презрительный прищур сестры. После очередного разбора полетов Марфа, глотая сопли и слезы, клялась больше никогда и никому не открывать душу. Но силы для этого у нее появились не сразу.

Чтобы как-то ускорить процесс, после окончания школы она, никого не слушая, сорвалась и уехала в Москву. Мать, разумеется, была против, считая, что без постоянного контроля с ее стороны дочь пустится во все тяжкие, но Марфу было уже не остановить. На журфак она не прошла, зато на филологический ее приняли без проблем и даже дали место в общежитии, после чего она решила, что в свой городок не вернется ни за что и никогда. Сталь закалялась в постоянной борьбе провинциальной девочки за право существования в большом городе. Без слез и соплей, разумеется, не обошлось, но к концу обучения она почувствовала в себе достаточно сил, чтобы рвануть в Питер, дабы испытать себя на поприще журналистики.

Все это время она была одна или почти одна. Романы, разумеется, случались, и с завидной регулярностью, но никогда и ни с кем Марфа не сблизилась настолько, чтобы делиться проблемами или, не дай бог, открыть душу. Вот уж это фигушки!

И все в итоге получилось. И в профессии она состоялась, и встретила мужчину своей мечты.

Не такой уж она урод, оказывается!

ДОМ ВИЕЛЬГОРСКИХ

Ровно два года назад в ее жизнь вошли два самых главных человека — Володя и Анна Андреевна.

Все началось с того, что жители одного из домов в исторической части Петербурга обратились к средствам массовой информации, слезно умоляя спасти их от варварского нашествия нуворисшей, пытавшихся отнять у простых людей жилье. В редакции, которой страдалцы оборвали все телефоны, сочли событие достаточно интересным и направили Марецкую для выяснения подробностей и дальнейшего их «опубликования».

Марфа отбрыкивалась как могла, потому что борьбу простого люда против новых угнетателей резонно считала заранее обреченной на провал. Однако отбиться не удалось, и с унылой физиономией она потащилась осматривать дом и опрашивать очевидцев.

Начать она решила с одного из старожилов, которого жильцы называли бабой Нюрой и через одного на нее ссылались.

Вообще странно: это имя — баба Нюра — прилипло к старушке настолько, что даже ее товарки, которым и самим сто лет в обед, называли ее только так и не иначе. Разыскивая бабу Нюру, Марфа мысленно нарисовала образ, подходящий к такому имени, и была удивлена, когда вместо огромной толстой бабищи с руками-кувалдами и зычным голосом ей открыла дверь маленькая сухонькая старушка в платье с кружевным воротничком и светлыми кудельками волос, собранными в аккуратный пучочек на затылке. Еще больший когнитивный диссонанс возник, когда старушка заговорила. Так выражались, наверное, выпускницы Смольного института: четко, правильно и немножко старомодно.

Марфа не могла не попытаться выяснить, откуда такое чудо, и прицепилась к бабе Нюре как репей. Когда же выяснилось, что перед ней Анна Андреевна Виельгорская, из рода той самой графини, которая была знакома с Пушкиным и чьей руки безуспешно просил Гоголь, Марфа и вовсе удивилась. Откуда на фиг взялась эта баба Нюра? Ни бабы, ни Нюры тут и в помине не было. Вот имя Анна Андреевна вполне соответствовало внешнему облику.

Так Марфа и стала ее называть. Тем более что так же звали Ахматову, а это придавало дополнительный флер. В ту первую встречу они проговорили со старушкой часов пять. С Марфой

такого вообще никогда раньше не бывало. Пять часов не на интервью, а просто так, для души. Сидели на кухне и пили чай с сушками.

Тогда Марфа узнала, что когда-то весь этот дом принадлежал семье графов Виельгорских, правда, не в качестве личного жилья. Он сразу строился как доходный. Но что такое доходные дома в девятнадцатом веке? Это не безликая типовая застройка советского периода. Такие дома строили с расчетом на солидного жильца, а потому с претензией. К тому же фамилия Виельгорских и сама по себе что-то значила, поэтому опозориться было никак невозможно. Доходный дом вышел на славу и стал новым украшением столицы. После революции он почти не перестраивался, ведь в нем с самого начала были квартиры, хотя, разумеется, их разделили, а жильцов уплотнили. Порой до состояния огурцов в бочках.

Квартиру, в которой обитала сама Анна Андреевна, перестройка тоже не миновала, хотя она располагалась в стороне от остальных, в небольшом флигеле, у которого даже имелся отдельный вход. Изначально флигель был жилищем управляющего, причем совсем небольшим по меркам позапрошлого века. Однако и из него умудрились соорудить две квартиры. Анне Андреевне досталась та, что выходила окнами на улицу. Две комнаты, одна из которых проходная, да кухня. К счастью, приличная. Анне Ан-

древне, которая всегда жила одна, кухня служила и столовой, и местом приемов гостей.

Окна второй квартиры были обращены на мусорные контейнеры, сгрудившиеся во внутреннем дворе. Объединял квартиры темный коридор, примыкавший одной стороной к стене большого дома. Самым прикольным в этих соседствующих жилищах был общий туалет. Вернее, туалет, совмещенный с ванной комнатой, который располагался между двух квартир. Чтобы в него попасть, страдающий должен был выйти из своей квартиры в общий холодный коридор, а по окончании гигиенических процедур тем же манером вернуться обратно. Летом такое путешествие никого не пугало, но зимой для посещения заветной комнаты приходилось надевать пальто. Анна Андреевна рассказывала, что раньше не было и такого. Во время перепланировки туалет в квартире управляющего вообще уничтожили, видимо, по причине малой значимости. Вместо него во дворе соорудили деревянный сортир, которым кроме жильцов активно пользовались все окрестные алкоголики. Счастье наступило, когда в соседнюю квартиру въехал молодой художник, превративший жилье в мастерскую. Художник был из успешных, довольно состоятельный, потому проблему мест общего пользования решил легко, правда, только в том варианте, который так потряс Марфу. Впрочем, содержимое ванной комнаты выглядело вполне сносно, а ко всему остальному жильцы при-

выкли, тем более что художник в скором времени съехал — для мастерской в комнатах не хватало света — и с тех пор соседняя квартира пустовала.

В большом доме, к которому примыкал флигель, жильцы менялись довольно часто. Лишь Анна Андреевна Виельгорская жила здесь с младенчества и никогда никуда не уезжала.

Так дом жил-поживал, пока не приглянулся какому-то банку. И то странно, что случилось это только нынче. Стоял дом на хорошем ходовом месте, выглядел презентабельно — раньше строили не в пример нынешнему, — имел солидные размеры — короче, по всем статьям подходил для реализации амбициозных планов нуворишей всех уровней. Этих самых нуворишей пугало только количество жильцов, которых надлежало куда-то выселить, чтобы освободить территорию. Но вот наконец нашелся один непугливый, которого сия задача не устрасила. Ушлый банкир решил не откладывать дело в долгий ящик и подсуетиться.

И подсуетился. В один прекрасный день жильцов собрали во дворе, и бойкая молодая женщина в костюмчике от «Шанель» поведала всем, какое светлое будущее их ожидает в новых квартирах в строящихся микрорайонах вдали от городской суеты.

Народ обомлел и пребывал в этом состоянии целых два дня. А потом ринулся рыть окопы и возводить баррикады.

На одном из этапов борьбы за отчий дом, когда жильцы совсем было отчаялись, они решились призвать на помощь прессу. Дескать, дом исторический, принадлежал известным и запечатленным в истории лицам, в разные годы в нем проживало немало знаменитых людей и тому подобное. Бабу Нюру привлекли в качестве эксперта, так как жила она в доме дольше всех.

Потом Марфа много раз думала, что было бы, если бы она отбилась от неудобного задания.

После первой встречи с Виельгорской последовала вторая, третья, десятая, и всего через полгода Марфа, которая в этой жизни никогда и ни к кому не была привязана, даже не заметив, как это произошло, стала считать пожилую женщину — назвать ее старушкой язык не поворачивался — родным человеком.

Поначалу Марфе казалось, что Анна Андреевна совершенно не тяготится одиночеством. В ее распоряжении всегда имелись книги, старые, еще советские пластинки с записями Рахманинова, Рихтера и Гилельса, игру которых она готова была слушать сутками, и Петербург, любимый город. Ну чем не прекрасная жизнь!

Однако Анна Андреевна была так рада любой возможности пообщаться, так радовалась каждому ее появлению на пороге своей старой квартиры, так умела слушать, понимать, сострадать, что Марфа впервые почувствовала себя по-настоящему интересной, важной, нужной.

Она стала считать Анну Андреевну своей подругой. Совсем не такой, как ровесницу Лариску, а старшей подругой. Ведь бывают такие? Мудрые, добрые, понимающие.

Но это случилось гораздо позже.

Два года назад, разобравшись в истории вопроса, Марфа поняла, что в одиночку жителям с банковским напором не справиться. Нужна подмога в лице чиновников, отвечающих за охрану памятников истории и культуры. Ну не все же они купленные?

Среди работающих в нужном комитете она вычислила одного — Владимира Мышляева, славившегося, по слухам, демократичностью и обостренным чувством справедливости. Марфа тогда впервые столкнулась с людьми из этого подразделения. Своих, то есть чиновников из комитета по взаимодействию со СМИ, она знала наперечет, но с этим человеком знакома не была. Она навела жителей во главе со старшей по дому Натальей Петровной Борзовой на его след, и Мышляев был приглашен на митинг протеста.

Он пришел, молодой, красивый и импозантный. Марфа затесалась в гуцу народа и, глядя на Мышляева, стала прикидывать, с какой стороны к нему подойти, чтобы взять в оборот.

В принципе, она могла подойти к любому — хоть к президенту страны, хоть к вождю племени тумба-юмба. Стеснительных среди журналистов вообще днем с огнем не сыщешь. Однако

тогда она решила, что осторожность не помешает. Ведь не за интервью собралась, а за помощью. И помощь эта требовала нешуточных усилий от того, кто решится ее оказать. Следовательно, нужно не просто подойти, а с особым «подходцем». А с этими самыми «подходцами» у нее всегда были проблемы. Вот, например, стену пробить или взять на abordаж вражеское судно — тут Марфа сгодилась бы. Если же требовались гибкость, тактичность или, прости господи, толерантность, то Марецкую на задания не посылали. Попрет как танк, а если не выйдет, то разозлится и припечатает так, что мало не покажется. Или, чего доброго, пошутит, а черный юмор не все воспринимают адекватно. Короче, ее сильные профессиональные стороны тут не годились, поэтому митинговать вместе с жителями она не стала, чтобы с ходу не наломать дров.

Скромно стоя в толпе, Марфа рассматривала и слушала того, от чьей доброй воли зависела судьба дома и Анны Андреевны. Ей понравилось, что Мышляев был готов к разговору и вник в ситуацию. Вопросы, которые он задавал, были точными, конкретными, кроме того, по его реакции стало ясно: он целиком и полностью на стороне страдающих жителей. Короче, Марфе он понравился.

Но самое приятное случилось после митинга.

Когда за спинами не желающих расходиться возбужденных жильцов она пробиралась к фли-

гельку Анны Андреевны, этот самый Мышляев ее окликнул и, подойдя, завел разговор на животрепещущую тему. Марфа слегка изумилась. Неужели сумел разглядеть ее в толпе? Она вроде не активничала, флагом не махала, просто слушала. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что главная активистка Борзова уже успела ткнуть в нее пальцем и объяснить, кто такая.

Владимир задавал какие-то вопросы, что-то уточнял, но при этом смотрел так, что Марфа смекнула: все эти вопросы и уточнения — прелюдия к чему-то гораздо более интересному.

Впрочем, телефончик он не попросил и попрощался довольно сдержанно. Марфа удивилась во второй раз, но, поразмыслив, решила, что это даже к лучшему. Сперва пусть в деле себя покажет, а там посмотрим.

ВОЛОДЯ

Со своими каштановыми от природы волосами за не очень длинную жизнь Марфа чего только не сотворяла. Стригла, красила и выжигала «химией». Была малиновой и седой. А однажды под настроение решила заделаться *femme fatale* и превратиться в жгучую брюнетку. Тюбик с фотографией сексапильной черноволосой дамы она купила в супермаркете, а вечером подружка Лариска ее покрасила. Когда же краску смыли, то обе они чуть не лопнули со смеху. Оказалось, что по примеру бессмертного Кисы Воробьянинова она получила «радикальный черный цвет» и стала зеленой, как водоросль. Смеяться они перестали, когда поняли, что перекраситься обратно не получается ни в какую. Ядреная зелень все равно проступала. Пришлось идти в мужскую парикмахерскую — в женском зале появиться все же было стыдно — и за пятьсот рублей сбривать все к чертовой матери. Три месяца она носила платочек, причем

не простой, а красный. Вроде косынок девушек-комсомолок. Чтобы дополнить образ, была приобретена крутая черная косуха и сапоги, напоминавшие кирзу. Потом наступило лето, в кирзе стало жарковато, она сняла косынку, посмотрела на себя в зеркало и решила оставить свои многотрагические волосы в покое. Их и так уже немного осталось.

За три прошедших года волосы оклемались от экспериментов, отросли, распушились и кое-где даже стали завиваться. Марфе не очень нравилось. Слишком миленько и симпатичненько она выглядела с этими завитушками. Она уже подумывала вернуться к экстриму, но тут в ее жизни появился Володя и сказал, что ее чудесные пышные волосы просто обожает. Вопрос отпал сам собой.

После первой встречи на митинге возмущенных жителей они встретились только через три месяца. Все это время Мышляев носился с их проблемой, с кем-то встречался, искал выход на нужных людей, включая самый высокий уровень. Потом позвонила ликующая Наталья Петровна и объявила, что банкиры отстанут от них навсегда.

— Какой молодец этот Владимир Владимирович! И умный, и деловой, и красавчик! Прямо душка! — млея от счастья, добавила она. — Была бы я помоложе... Ух!

В этот момент Марфа подумала, что мужчине с такими производственными характеристиками надо брать, не раздумывая.

В тот же день она позвонила ему, чтобы рассыпаться в благодарностях. При этом раз тридцать назвала по имени-отчеству.

Потом он признался, что ужасно любит, когда его называют Владимиром Владимировичем.

— Чувствую себя немного президентом.

От фразы чуть-чуть отдавало нарциссизмом, но при этом он так мило и иронично улыбался, что Марфа готова была простить ему что угодно.

Польщенный ее комплиментами, сказанными по телефону мяукающим голоском, Владимир предложил встретиться в неформальной обстановке. Марфа только этого и ждала, поэтому произнесла заранее заготовленную фразу:

— К сожалению, на этой неделе я сильно занята. К нам приезжают англичане и очень хотят повидаться. Я стажировалась в Лондоне. Теперь надеюсь увидеть старых знакомых.

Чувствуя, что Мышляев проглотил наживку, она добавила:

— Главред хочет, чтобы я сопровождала его во время их пребывания.

— Тогда я позвоню в следующий понедельник. Не против?

— Буду рада, — светским тоном ответила Марфа и, повесив трубку, погладила себя по голове.

Какая же она умница!

Он позвонил в понедельник и предложил поужинать, выбрав очень дорогой ресторан. Мар-

фа не сразу, но согласилась. За ужином она кокетничала уже напрапалую. Владимир все понял правильно, поэтому вечером повез ее в отель за городом будто бы для того, чтобы отведать необычайно вкусных устриц.

Проснулись они в одной постели и с тех пор уже почти два года не расставались. Володя был умен, образован, хорош собой и вполне платежеспособен. И характер у него, как оказалось, прекрасный. Все в нем ей нравилось, кроме одного: с первого дня он стал называть ее Зая. Нет ничего пошлее и фальшивее, чем эта Зая, считала Марфа, однако переубедить любимого не удавалось.

— Ну что ты! Зая — это же так мило!

Марфа фыркала, злилась, а потом решила, что если любишь человека, то уж Заю как-нибудь переживешь.

Больше всего ей импонировало, что Мышляев составлял резкий контраст с ее бывшим мужем, подающим надежды молодым ученым, за которого она второпях вышла через три месяца после переезда в Питер.

Тот считал себя исключительной личностью, всю их совместную жизнь лелеял и возвращал эту мысль, всех остальных, особенно тех, кто не собирался падать перед ним ниц, называл посконными дебилами и даже с начальством общался настолько высокомерно, что в конце концов остался без работы. Это, впрочем, его не

огорчило. Он начал планировать и реализовывать какие-то проекты, которые, по его замыслу, должны были принести баснословную прибыль и всемирную славу. Проекты, однако, реализовываться не торопились. Годами он, лежа на диване, все куда-то звонил, с кем-то о чем-то договаривался и каждый день сообщал, что вот завтра, вот через месяц все случится. Наивная Марфа верила и ждала. Наконец терпение лопнуло. Не у нее, а у главреда Тимоши. Он заманил ее к себе домой и там без обиняков заявил, что, если завтра, нет, сегодня она не снимет с носа розовые очки и не уйдет от этого подарка человечеству, они с Ануш Акоповной навеки вычеркнут ее из списка нормальных людей. А с сумасшедшими их семья не общается.

Когда Марфа вернулась домой, то застала обычную картину: муж лежал на диване и разговаривал по телефону с каким-то очередным «партнером». Она постояла над ним, ожидая, что ее заметят, а потом пошла в спальню, собрала свой скудный гардеробчик в рюкзак и ушла. Гений бизнеса спохватился только через день. Увидел, что в холодильнике кончились продукты, и позвонил узнать, долго ли ему ждать обеда.

Марфа расхохоталась в трубку и отключила телефон.

После развода она еще год приходила в себя, а потом как-то прочла, что судьба — это то, на что ты согласилась. Высказывание будто бы при-

надлежало Софи Лорен. Марфа поразилась его мудрости. Она сама обрекла себя на дурацкую жизнь, потому что согласилась на никчемушного мужа. Так что не на кого обижаться и винить за «бесцельно прожитые годы». Стыдиться следует только собственной неразборчивости. А шарахаться от мужиков и хоронить заживо свою молодость — вообще глупо. Надо просто все начать заново.

И тут появился Мышляев. Марфа сочла это знаком судьбы и с головой ушла в новые отношения.

Когда Володя пригласил ее на ипподром, где по выходным проходили скачки, которые любила посещать его семья, Марфа решила, что теперь их отношения перейдут на новый уровень, и была рада, что знакомство пройдет в неформальной обстановке. Хуже, если бы пришлось тащиться на семейный обед и там, давясь селедкой под шубой, сидеть под прицелом десятков глаз. Поди, еще о семье начнут расспрашивать, о маме с папой. Бррр...

Они поднялись на трибуну, и Володя, протянув ей бинокль, указал на ложу напротив, в которой расположились его родные.

— Прости, там мест не было. После мы к ним подойдем.

Марфа сначала немного удивилась, но, поразмыслив, решила, что все к лучшему. Сначала надо хорошенько рассмотреть их издали. Она

достала бинокль и, как ей показалось, незаметно навела на ложу.

Разглядывая родителей и сестер Володи, Марфа невольно сравнивала их со своими родными.

Большие и маленькие Мышляевы общались между собой так легко, что Марфа испытала острую зависть и еще какое-то трудно определимое чувство, похожее на сожаление.

Володя, который еще некоторое время говорил по телефону, оставил ее, как он выразился, «обвыкаться», а сам пошел к родителям. Со своего места Марфа видела, как он обнялся с отцом, затем с матерью, поцеловал обеих сестер и пожал руки еще каким-то родственникам, находившимся рядом.

Какие теплые у людей отношения, как они рады друг другу!

Тут все, кто находился в ложе напротив, повернулись в ее сторону, и Марфа догадалась, что Володя показал, где их места. Черт! А она как раз пялится на них!

Марфа быстренько стала смотреть в сторону конюшен, откуда как раз начали выводить лошадей, и загадала, что если забег выиграет вон та резвая кауряя лошадка, то она понравится Мышляевым и у них сложатся хорошие отношения. Лучше, чем с ее собственными родными.

Лошадка пришла первой, и это вдохновило Марфу настолько, что, когда они наконец направились в ложу, чтобы воссоединиться с Во-

лодиной семьей, она была полна самых радужных надежд.

Вблизи они выглядели так же мило, как и в бинокль. Володины родители, приятно улыбаясь, пригласили ее пообедать, и Марфа не испугалась. Наоборот, совершенно растаяла.

Впрочем, обед немного поубавил оптимизма. Марфа, хоть и не была чересчур проницательной, довольно быстро догадалась, что приличной партией своему сыну Мышляевы ее не считают. И догадалась именно по тому, насколько предупредительно, вежливо и при этом отстраненно с ней общались. Марфа все же готовилась к встрече и мысленно репетировала достойные ответы на возможные вопросы. Но никто так и не поинтересовался ее семьей, образованием, даже планами на будущее! Володина мама лишь спросила, понравились ли ей скачки, ведь она, кажется, впервые смогла посетить подобное мероприятие.

Марфа выразила восторг, похвалила мастерство жокеев и собралась было развить тему, но Жанна Леонидовна уже переключилась на пожилого мужчину, как выяснилось, начальника Володиного отца, которого принялась дотошно расспрашивать о здоровье супруги.

Марфа заткнулась. Почему-то ей захотелось, чтобы Володя взял ее за руку, как-то поддержал, но его посадили не рядом, а напротив. Она стала ловить его взгляд, однако он в этот момент ув-

леченно резал бифштекс и к разговору, похоже, не прислушивался.

Но больше всего Марфу выбивало из колеи то, что Жанна Леонидовна исподволь все время наблюдала за ней. Не кладет ли локти на стол, не забывает ли пользоваться ножом, не вытирает ли рот накрахмаленной салфеткой, которую следовало держать на коленях. Самое противное, что именно в тот момент, когда ее сканировали требовательным взглядом, ужасно, просто до смерти хотелось именно этого: упереться локтями в столешницу и вдоволь почавкать! Аж между лопатками чесалось!

Впасть в панику Марфа себе не позволила. Еще не хватало! Скачки она, конечно, не посещает и в высшем свете не крутится, зато окончила МГУ и скоро станет ведущим журналистом известного издания!

Она выпрямила спину и занялась форелью в белом соусе, всем своим видом стараясь показать, что запросто ее с коня не собьешь.

Из гостей они с Володей уехали вместе, хотя родители и пытались задержать сына под предлогом обсуждения домашних дел.

— Просто вызови Марфе такси, — мило улыбнувшись, сказала Жанна Леонидовна. — Ты нужен здесь.

Вот уж нет! Этот раунд она не проиграет!

Раз она решила, что Мышляев будет принадлежать ей, значит, так тому и быть!

Она даже не стала смотреть, какие лица были у его родителей, когда он сказал, что поедет с Марфой. Впрочем, скорее всего, лица оставались вполне благодушными.

И все же Марфе было немного обидно. Она ведь не девушка с помойки! Красивая, умная, успешная! Чего еще им надо?

На следующий день после приснопамятного обеда она приехала навестить Анну Андреевну и с горечью поведала ей, что неизвестно почему, но ко двору Мышляевым не пришлось.

— Первое впечатление всегда самое сильное! Если я им не понравилась сразу, значит, кранты! — посетовала она, расстроено грызя одну сушку за другой.

— Не всегда. Иногда человека сразу не разглядишь. С виду нехорош, а со временем раскроется самым чудесным образом. Его мама просто очень любит сына, поэтому, скорее всего, немного ревнует. Это пройдет, — утешала ее Анна Андреевна. — Ты не можешь не нравиться, Марфинька! Дай им время.

Марфа слушала подругу и успокаивалась. Все так и будет, но не сразу. Они еще увидят ее во всей красе! Она еще завоюет их любовь!

АННА АНДРЕЕВНА

Анна Андреевна умерла в самом разгаре лета, и так внезапно, что никто, включая Марфу, этого не заметил. Примчавшись из очередной командировки, Марфа, как всегда, замоталась и позвонила подруге только на второй день к вечеру. Никто не ответил. Она решила, что Анна Андреевна вышла подышать во двор, сейчас наверняка стоит за решеткой ворот и смотрит, как по улице, фыркая, проезжают машины и, что-то бурча в телефоны, пробегают пешеходы. Она любила наблюдать за людьми незаметно, не мешая и не привлекая к себе внимания. Ей самой спешить было уже некуда, но стремительность человеческой жизни, шум проезжающих машин не пугали ее, а словно приобщали к чему-то важному. Она говорила Марфе, что в эти минуты чувствует, как все течет и меняется. Марфа, смеясь, заявляла, что на самом деле ничего, кроме курса валют, не меняется, а течет только грязь вдоль проезжей части, и то потому, что ливневки ра-

ботают безобразно. Анна Андреевна никогда не спорила, но, если позволяла погода, разглаживала на платье свой кружевной воротничок, надевала шляпку и выходила к воротам.

Марфа и допустить не могла, что все может кончиться в одночасье. На здоровье Анна Андреевна не жаловалась с зимы. В холодные дни у нее сильно болела спина, поднималось давление, и Марте приходилось ночевать у подруги, чтобы вовремя подсуетиться: вызвать врача, купить и подать лекарства. Зимой она волновалась, звонила старушке по три раза на дню, а после работы стремглав летела к ней, чтобы помочь чем можно. Уже месяца три, как хвори Анну Андреевну не доставали, она была весела и готовилась к лету. Было решено, что они снимут хоть на пару недель дачу где-нибудь на берегу Финского залива и, послав всех к черту, наконец надышатся свежим воздухом. Марфа даже успела присмотреть несколько вариантов и предвкушала, как за вечерним чаем они станут обсуждать, какой из них лучше.

До флигеля подруги она добралась к девяти вечера и сразу увидела жидкую дорожку из пыльных еловых веток, что вела от двери. Предчувствие не просто кольнуло. Оно ударило так больно, что Марфа остановилась, схватившись за водосточную трубу на углу дома. Постояв, она на ватных ногах дошла до двери и открыла своим ключом. Почему-то не горел свет, но все рав-

но было сразу видно, что в коридоре натоптано. Это было странно до такой степени, что Марфа не сразу решилась войти. Дверь открылась, как всегда, с легким скрипом. Она прошла в квартиру и вдруг все поняла. По тишине. Казалось, даже шум улицы не может пробиться сквозь эту мертвую молчаливую пустоту.

Она даже не смогла заставить себя пройти в комнату. Стоя у двери, набрала телефон Натальи Петровны.

— Марфа, где ж вы были? — бойко начала старшая по дому. — Мы вас искали. Звонили в издательство. Просили передать.

— А на мобильный?

— Да я куда-то задевала ваш номер, не смогла найти.

Ну конечно. Когда она была нужна, та же Наталья Петровна находила ее у черта на куличиках.

— Похороны оплатила мэрия. Нам даже хлопотать не пришлось. Зато я договорилась об отпевании. Батюшка там, в ритуальном зале при морге, и отслужил. Народу, правда, немного было, но соседи бабу Нюру помянули.

— Как при морге? — вдруг удивилась Марфа. — Разве ее не из дома выносили? А ветки откуда?

— Да это я набросала. Так же положено. Мы с мужем несколько раз заходили, уж простите. Одежду забрать, документы. Ключи у бабы Нюры в кармане были.

— В каком кармане? — опять не поняла Марфа.

— Ну, в одежде, в которой ее в больницу привезли. Они, правда, сделать ничего не успели. Мне Танька из пятнадцатой позвонила. Она с дачи поздно со своим приехала и с фонариком шла. У нее куриная слепота, плохо видит в сумерках. А муж, тот вообще на один глаз кривой. Ну да что поделаешь, обоим уж к семидесяти! Глядь, а баба Нюра сидит себе в уголочке за воротами. Никто ее и не заметил.

У Марфы так стремительно сжалось сердце и задрожали руки, что она выронила телефон. Тот, упав, развалился на составные части. Она посмотрела на него, постояла еще немного, на ватных ногах прошла в кухню и села за стол.

Потом она не могла вспомнить, сколько просидела вот так, тупо пялясь в пустоту. Более или менее осознанно она стала себя ощущать дня через три. Или позже.

Что бы она ни делала, чем бы ни заполняла свою суетную жизнь, ощущение того, что ее вселенная опустела, становилось все отчетливее, а боль от потери — все сильнее.

Маленькая старушка с поэтичным именем. Одинокая. Незаметная. Тихо жила. Тихо померла. Казалось, от нее мало что зависело в этой жизни. Марфе ведь просто надо было знать, что она есть, и все. Почему же с ее уходом возникла такая ужасная пустота? Кошмарная. Огромная. Словно сломалось что-то важное. Конструкция

дала трещину. Нет, не трещину. Она будто бы осталась без фундамента. Вроде стоит. И даже кажется вполне устойчивой, но на самом деле под ней нет того, что подпирало ее, удерживало, придавало незыблемость.

Оказывается, иногда незаметные люди занимают в нашей жизни огромное место. Ты привык считать их своей частью, а потом оказывается, что все наоборот. Ты — частица их, поэтому, оторвавшись от стержня, от фундамента, словно зависаешь в воздухе. Как пылинка. Как листок.

Через неделю после смерти Виельгорской ее нашел нотариус и пригласил на оглашение завещания. Марфа удивилась, но пошла и там, в нотариальной конторе, узнала, что все свое имущество, движимое и недвижимое, Анна Андреевна Виельгорская завещала ей.

Честно говоря, Марфа даже не сразу поняла, что это значит. Нотариус со странным и непонятным именем Сроел подробно объяснил, что ей завещана квартира со всем скарбом. Более ничего за гражданкой Виельгорской не значит.

— Вступить в наследство вы сможете лишь по истечении полугода, но... — тут Сроел пригнулся пониже, — я лично сильно посоветовал бы вам въехать в оную квартиру незамедлительно.

— Почему? — так же низко пригнувшись, шепотом спросила Марфа.

— О-о-о! — ответил нотариус и поднял глаза к потолку.

Что означало это значительное «о», Марфа так и не поняла, потому что в кабинет зашли какие-то люди, и Сроел тут же уткнулся в бумаги.

Она вышла от нотариуса с твердым намерением никуда не въезжать, пока не станет владелицей официально, но вечером ей позвонила испуганная ее долгим молчанием Лариска и, обозвав непроходимой дурой, велела завтра же перевезти в квартиру Анны Андреевны свои вещи, поменять замки и вставить на окна решетки.

Вдруг чего-то испугавшись, Марфа сделала все, как приказала Лариска.

Кроме решеток.

Когда она сообщила о перемене места жительства Володе, тот так обрадовался, что предложил сразу же справить новоселье.

— С ума сошел! Какое новоселье?

— А что такого? — не понял Володя.

— Как что? Анну Андреевну только похоронили, а мы уже пляшем!

— А... ну да. Тогда отметим твой переезд в узком кругу — ты и я. Я жутко соскучился по тебе, Зая! Посидим тихо, а потом так же тихо ляжем в постель. Обещаю, что не стану доводить тебя до безумия. Никто ничего не услышит. Согласна?

Марфа уверила любимого, что согласна, но почувствовала, что Володин цинизм ей непри-

ятен. Она сама, как все журналисты, была довольно беззастенчива, но на этот раз речь шла о близком человеке. Володя это знал и все равно демонстрировал полное равнодушие. Может быть, все дело в том, что они с Анной Андреевной не были знакомы? А кстати, почему она их не познакомила? Собиралась, собиралась, да так и не собралась. Нет, не так. Каждый раз, когда предоставлялась возможность, Володя оказывался на совещании, в командировке, на объекте. Он на самом деле был крайне занятым человеком, в этом его винить нельзя. Возможно, она сама не была достаточно настойчива. Интересно почему?

Долго раздумывать над этим не пришлось, потому что не успела она закончить разговор с Володиной, как заявила Лариска.

Полчаса назад она звонила, чтобы сообщить, что застряла в одном интересном месте, и тут вдруг нарисовалась на пороге. Впрочем, Марфа всегда изумлялась тому, что ее подруга, несмотря на свои девяносто семь килограммов, умела на редкость стремительно перемещаться в пространстве. Как Фигаро, который, как известно, умудрялся быть здесь и там одновременно.

Лариска влетела в квартиру, обнюхала все уголки и хлопнулась на старый кожаный диван.

— Ничего халупа, — сделала она вывод. — Твоему любовнику понравится. Не надо мотать-

ся в Пушкин. Теперь ты всегда будешь к его услугам. Можно даже в обеденный перерыв все успеть.

По неизвестной причине Лариска терпеть не могла Мышляева. Впрочем, Марфа была уверена, что подруга просто ревнует ее к ухажеру.

— Ладно тебе, Лариска. Лучше поведай, где ты там зависала?

Поиграв бровями, как любила делать, когда предстояло что-то суперинтригующее, подруга начала рассказывать о своих приключениях в обществе двух крутых мужичков. Марфа, улыбаясь, кивала, но слушала вполуха, пытаясь понять, почему у нее вдруг испортилось настроение. Неужели из-за Ларискиных слов?

В конце концов та заметила, что подруга «какая-то жухлая». Марфа ухватилась за слова и объявила, что у нее дико болит живот.

— Месячные, что ли? — поинтересовалась Лариска.

— Ага.

— Так радуйся! Значит, не беременная! Не хватало только родить от твоего Мышляева!

— Захочу — и рожу! — разозлилась Марфа. — Тебя спрашивать не стану!

— Вот и напрасно! Я бы отговорила!

— Потому и не стану! Мне твое мнение по данному вопросу неинтересно!

Лариска фыркнула и быстренько собралась на выход. Удерживать ее Марфа не стала. Лариска

вообще не могла долго обижаться. Завтра позвонит как ни в чем не бывало.

— А твой Мышляев все равно мутный тип! — скороговоркой выпалила подруга на прощание и мышкой шмыгнула за дверь.

Ну что за день такой сегодня! Все ее огорчают! И, главное, пожаловаться некому! Анны Андреевны нет рядом.

Марфа легла на диванчик в гостиной, на котором спала, когда оставалась ночевать. Хотелось просто полежать в тишине. Перемалывать то, что услышала и узнала сегодня, совершенно не было сил. Она все воспринимает обостренно оттого, что расстроена. Завтра все покажется иным, не таким острым, не столь важным.

Полежать ей не дали. То ли Володя действительно соскучился, то ли случайно оказался неподалеку, но через сорок минут он уже позвонил в дверь.

Когда он зашел, такой свежий, легкий и радостный, Марфа поняла, как сильно любимый человек был ей нужен, и крепко обняла. Рассмеявшись, без долгих разговоров, не успев даже толком рассмотреть квартиру, Володя потащил ее в постель.

Марфа отвечала на ласки, но расслабиться никак не могла. Наверное, просто непривычно было заниматься любовью в чужом доме. Хотя дом теперь принадлежит ей.

Тогда почему так тошно?

ТИМОША

Главный редактор издательства носил славное русское имя Тимофей и отчество Данилович. Фамилия тоже не подкачала — Потешкин. Тот, кто видел его впервые, сразу впал в ступор от явного диссонанса. Ни у кого не укладывалось в голове, как человек, который, по идее, должен зваться Ашотом Саркисяном, мог быть Тимофеем Потешкиным. Классическая армянская внешность, венцом которой был, конечно же, нос, никак не коррелировала с простодушным славянским именем.

Ларчик, как обычно, открывался просто. Однажды в один из детских домов Ленинградской области подкинули ребенка. На вид двухмесячного. Мальчик был лыс, пузат и горласт. Все решили, что он сильно похож на их директора — Тимофея Даниловича Потешкина. Просто один в один. С легкой руки коллектива малыша зарегистрировали под этим именем. Сам директор на тот момент находился в очередном, честно зара-

ботанном отпуске, поэтому проказе воспрепятствовать не мог, что было, как оказалось, к лучшему. Получив в качестве воспитанника полного тезку, директор считал себя ответственным за его судьбу. Тимофей-младший получил отличное воспитание и приличное образование. Некоторые непосвященные даже считали, что мальчик в самом деле директорский сын, так много сил тот тратил на ребенка. Правда, со временем разговоры прекратились. Уж больно специфическим оказался облик мальчика.

Зато характер Тимофея Даниловича к его внешности подходил идеально, и это немного успокаивало. Людям всегда хочется предсказуемости. Потешкин был вполне предсказуем: пылкий темперамент, внезапная смена настроения, огромное обаяние, армянская хитринка — все это вкупе составляло совершенно неповторимую гремучую смесь, от которой не было спасения.

Марфа Тимошу обожала и считала своим крестным отцом. Если бы не его железобетонная уверенность в ее таланте, она никогда бы не стала тем, кем была, — отличной журналисткой. Именно он когда-то разглядел в ней божью искру и взял на работу стажером. Именно ему она приносила свои первые неуверенные опусы, получала на орехи, уходила в слезах, рыдала перед компьютером, вспоминая все эпитеты, которыми он ее награждал, и писала все заново, чтобы утром принести иной, вполне сносный вариант.

Именно с его легкой армянской руки Марфу направили на стажировку в лучшее издательство страны, а потом и в Англию. Именно он приказал ей послать к черту мужа-захребетника, отбил у него квартиру, на которую тот покушался при разводе, и велел больше не связываться с голоштаннными снобами.

Марфа Тимошу слушалась и боготворила, что, впрочем, не мешало ей трепетать каждый раз, когда он вызывал ее в кабинет. Вот и сегодня у нее сразу засосало под ложечкой, когда секретарша Катя сообщила, что главред ждет ее у себя к двенадцати часам.

Володя, которого Марфа как раз поила чаем, сразу заметил, что она мандражирует, и поинтересовался, по поводу чего.

— Тимоша вызывает. Наверное, мне прилетит.

— За что, Зая?

— Откуда я знаю?

— Он самодур, что ли?

— Он армянин!

— И что? Это диагноз?

— Володечка, милый, лучше не спрашивай. Если останусь жива, сразу тебя наберу. Возможно, потребуется срочная эвакуация!

Володя засмеялся и обнял, крепко прижав к себе.

— Можешь на меня положиться, Зая. Я друга в беде не брошу. А если понадобится, перекусаю всех твоих врагов. Не забудь, что завтра тебе

предстоит быть приглашенной на романтический ужин. Где — не спрашивай! Не расколуюсь!

Марфа чмокнула его в нос, выбралась из объятий и, схватив со стола бутерброд, выскочила за дверь.

Как все же хорошо, что у нее есть Володя!

Тимофей Данилович с утра всегда бывал не в духе, поэтому раньше полудня встреч не назначал: боялся, что поведет себя неадекватно. Когда Марфа зашла в кабинет, утренний кризис уже миновал и начальник встретил ее веселым кивком.

— Посадница, ты? Заплывай.

Марфа немного успокоилась. Марфой Посадницей шеф называл ее, только если бывал в духе. Она поздоровалась и забралась за стол для переговоров.

— Командировочка для тебя нарисовалась, Марфуша. Поедешь в Приозерск. Там ветерана одного выселяют из дома. Весь народ поднялся, а сделать ничего не могут. Кому-то из местной администрации место приглянулось. Вид с него, говорят, уж очень красивый. Ты у нас ветеранами занимаешься.

— Честно говоря, давно ничего на эту тему не писала.

— Ну так напишешь. Там не только написать, там помочь надо. Ветерану, конечно, а не оглоеду-чиновнику. Ты у нас дама пробивная, жесткая. За правду вступиться не побоишься.

— Чувствую себя пионером-героем.

— Так в этом ничего плохого нет. Не каждому, как говорится, дано право на подвиг. Поможешь ветерану и тему раскрутишь красиво. Ты это умеешь.

— А когда ехать?

— Завтра и поедешь. Дня на три-четыре.

Марфа присвистнула.

— И это в лучшем случае. Говорю же, дело непростое. Всем миром сладить не могут. Чувствую, там закавыка какая-то. Не зря чиновник давит. Есть и у него аргументы. Люди к прессе обратились, видно, силушки на исходе.

Марфа вздохнула. Итак, романтический ужин с Володей отменяется. Уже третий раз. И все из-за нее.

— Расстроилась, что ли? — чутко уловил ее вздох Тимофей Данилович.

— Да что вы! Я люблю ездить в область! — бодро воскликнула Марфа.

— Отлично! Заодно и отдохнешь. Эх, Марфуша, нам ли быть в печали? Сам бы с удовольствием махнул туда на рыбалку! Жаль, грехи не пускают! Ну, иди уже оформляйся.

Марфа поднялась.

— Как у тебя, кстати, на личном фронте? Ануш Акоповна интересуется, не я, не подумай.

— Отлично!

Марфа обернулась с порога, чтобы шеф видел ее счастливое лицо.

— Ну-ну. Так и передам. Отлично, мол, все.

Тимофей Данилович неожиданно нахмурился. «Видать, спокойный период закончился, сейчас опять злиться начнет», — подумала Марфа и быстренько выскользнула за дверь.

Как и ожидалось, узнав о командировке, Володя расстроился.

— Почему тебя все время суют в какие-то дыры? — возмущенно начал он, когда она по телефону рассказала ему о задании редакции.

— Всех суют, Володенька.

— Но тебя суют чаще других.

— Что поделаешь, работа такая.

— Ерунда, Зая. Просто тебе нравится от меня уезжать.

Это был новый заход, и Марфа, струхнув, тут же принялась горячо разубеждать любимого.

Сдался он не сразу. Она успела дойти до метро.

— Ну хорошо. Давай проведем вместе хотя бы этот вечер. Я постараюсь пораньше освободиться. А ты вообще лучше отключи телефон, иначе нам и пяти минут поговорить спокойно не дадут. Не говоря уже обо всем остальном.

Мысль, что предполагается «все остальное», заставила ее улыбнуться. Она любима и желанна. Это главное. А с заданием она справится. Всегда справлялась.

КОМАНДИРОВКА

Приозерск встретил ее мерзкой погодой. Если бы она не была уверена — на дворе лето, решила бы, что попала в конец октября. Автобус прибыл в семь утра, и до времени заселения в гостевой дом «У Бубенцовых», который она выбрала из соображений его близости к жилищу выселяемого ветерана, оставалось пять часов. Еще в пути Марфа решила, что закинет рюкзак за спину и пройдет до пункта назначения пешком, по пути рассмотрит достопримечательности городка, где-нибудь позавтракает и погуляет, но пригоршня холоднющей воды, которую дождь кинул ей в лицо, стоило выйти из автобуса, остудила ее пыл. Она добежала до навеса над автобусной остановкой и завертела головой в поисках такси. Однако площадь перед довольно симпатичным зданием вокзала была пуста. Она взглянула на табличку с расписанием движения общественного транспорта. Автобус отсюда шел только один, и отбыл он две минуты

назад. Ждать следующего придется полчаса. Вот горюшко-то!

Марфа вернулась в здание и решила, что, как только ливень стихнет, она все равно осуществит задуманный променад. Недалеко от автовокзала должен быть сквер, названный в честь первого прокурора России Павла Ягужинского. Там, поди, и памятник «птенцу гнезда Петрова» имеется, а на острове Каменистом посреди реки Вуоксы — еще и парк отдыха. Не было времени все изучить внимательно, но, кажется, любопытных мест в Приозерске хватает.

Через пять часов, голодная и злая, она дотащи-лась под проливным дождем до своего временного пристанища и, сняв насквозь промокший рюкзак, плюхнулась на диванчик в небольшом холле.

— Здравствуйте, проходите. Вы заселяться? — услышала она над собой женский голос.

Открыв глаза и с трудом отлепив потекшие ресницы от щек, Марфа посмотрела на склонившуюся над ней девушку.

— Заселяться. Да.

— Вы пешком пришли? Зачем же? Надо было позвонить, мы бы вас встретили. Это бесплатно.

— Я рано приехала.

— Ну так что ж? Мы бы вас все равно заселили. Места свободные есть.

Обругав себя последней дурой, Марфа, порывшись, достала из рюкзака паспорт.

— У вас забронировано, — сообщила девушка и посмотрела на промокшую страдалицу сочувственно. — Проходите в номер, оформимся позже.

Марфа молча кивнула, пошла по коридору и, открыв дверь, сразу стала сбрасывать мокрую одежду. Интересно, долго ей сохнуть? Запасной куртки она не прихватила, как и обуви. На смену есть только тапки. Отлично просто!

Она залезла под душ и минут пятнадцать просто стояла под струей горячей воды. Надо будет спросить, есть ли тут печка, хотя бы электрическая. В номере вещички развесить негде.

Стук в дверь отвлек ее от мучительнейших поисков решения бытовых проблем.

— Войдите! — крикнула она и наконец выключила воду.

— Разрешите, я заберу ваши вещи? У нас есть сушилка специальная для белья. Через пару часов все будет готово, а вы пока позавтракаете. Вам блины или яичницу? У нас еще сырники есть и каша. Любите?

Пока за дверью ванной произносили монолог, Марфа закуталась в халат и, высунувшись, уставилась на чудо-женщину.

— Как вас зовут?

— Юлия Бубенцова.

— Вы хозяйка?

— Жена хозяина.

— Юлия, жена хозяина, вы — моя героиня! — торжественно заявила Марфа.